

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

В. И. Даль

СКАЗКИ,
ПОСЛОВИЦЫ,
ПОГОВОРКИ

Владимир Иванович Даль

**Сказки, пословицы,
поговорки**
(Библиотека школьника)

В книгу вошли пословицы, поговорки и сказки: «Привередница», «Девочка Снегурочка», «Война грибов с ягодами», «Лиса и Заяц», «Медведь-половинщик», «Лиса и Медведь», «Лиса-лапотница», рекомендованные для чтения в младших классах.

Художник Елена Генриховна Трегубова.

Содержание

#1	0007
Привередница	0007
Девочка Снегурочка	0020
Война грибов с ягодами	0027
Лиса и Заяц	0031
Медведь-половинщик	0039
Лиса и Медведь	0044
Лиса-лапотница	0052

В.И. Даль

**Сказки,
Пословицы,
Поговорки**

Художник Е. Трезубова

Привередница

Жили-были муж да жена. Детей у них было всего двое - дочка Малашечка да сыночек Ивашечка.

Малашечке было годков десяток или поболее, а Ивашечке всего пошёл третий.

Отец и мать в детях души не чаяли и так уж избаловали! Коли дочери что наказать надо, то они не приказывают, а просят. А потом ублажать начнут:

- Мы-де тебе и того дадим и другого добудем!

А уж как Малашечка избаловалась, так та-

кой другой не то что на селе, а, чай, и в городе не было! Ты подай ей хлебца не то что пшеничного, а сдобненького, - на ржаной Малашечка и смотреть не хочет!

А испечёт мать пирог-ягодник, так Малашечка говорит: «Кисел, давай медку!». Нечего делать, зачерпнёт мать на ложку мёду и весь на дочернин кусок ухнет. Сама же с мужем ест пирог без мёду: хоть они и с достатком были, а сами так сладко есть не могли.

Вот раз понадобилось им в город ехать, они и стали Малашечку ублажать, чтобы не шалила, за братом смотрела, а пуще всего, чтобы его из избы не пускала.

- А мы-де тебе за это пряников купим, да орехов калёных, да платочек на голову, да сарафанчик с дутыми пуговками. - Это мать говорила, а отец поддакивал.

Дочка же речи их в одно ухо впускала* а в другое выпускала.

Вот отец с матерью уехали. Пришли к ней подруги и стали звать посидеть на травке-муравке. Вспомнила было девочка родительский наказ, да подумала: «Не велика беда, коли выйдем на улицу!» А их изба была край-

няя к лесу.

Подруги заманили её в лес с ребёнком - она села и стала брату веночки плести. Подруги поманили её в коршуны поиграть, она пошла на минутку, да и заигралась целый час.

Вернулась к брату. Ой, брата нет, и местечко, где сидел, остыло, только травка помята.

Что делать? Бросилась к подругам - та не знает, другая не видела. Взвыла Малашечка, побежала куда глаза глядят брата отыскивать; бежала, бежала, бежала, набежала в поле на печь.

- Печь, печурка! Не видала ли ты моего братца Ивашечку?

А печка ей говорит:

- Девочка-привередница, поешь моего ржаного хлеба, поешь, так скажу!

- Вот, стану я ржаной хлеб есть! Я у матушки да у батюшки и на пшеничный не гляжу!

- Эй, Малашечка, ешь хлеб, а пироги впереди! - сказала ей печь.

Малашечка рассердилась и побежала далее. Бежала, бежала, устала, - села под дикую яблоню и спрашивает кудрявую:

- Не видала ли, куда братец Ивашечка делся?

А яблоня в ответ:

- Девочка-привередница, поешь моего дикого, кислого яблочка - может статься, тогда и скажу!

- Вот, стану я кислицу есть! У моих батюшки да матушки садовых много - и то ем по выбору!

Покачала на неё яблоня кудрявой вершиной да и говорит:

- Давали голодной Маланье оладьи, а она говорит: «Испечены неладно!».

Малаша побежала далее. Вот бежала она, бежала, набежала на молочную реку, на кисельные берега и стала речку спрашивать:

- Речка-река! Не видала ли ты братца моего Ивашечку?

А речка ей в ответ:

- А ну-ка, девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселька с молочком, тогда, быть может, дам весточку о брате.

- Стану я есть твой кисель с молоком! У моих у батюшки и у матушки и сливочки не в диво!

- Эх, - погрозились на неё река, - не брезгай пить из ковша!

Побежала привередница дальше. И долго бежала она, ища Ивашечку; наткнулась на ежа, хотела его оттолкнуть, да побоялась наколотся. Вот и спрашивает:

- Ежик, ёжик, не видал ли ты моего братца?

А ёжик ей в ответ:

- Видал я, девочка, стаю серых гусей, пронесли они в лес на себе малого ребёнка в красной рубашечке.

- Ах, это-то и есть мой братец Ивашечка! - завопила девочка-привередница. -

Ежик, голубчик, скажи мне, куда они его пронесли?

Вот и стал ёж ей сказывать: что-де в этом дремучем лесу живёт Баба Яга, в избушке на курьих ножках; в послугу наняла она себе серых гусей, и что она им прикажет, то гуси и делают.

И ну Малашечка ежа просить, ежа ласкать:

- Ёжик ты мой рябенький, ёжик игольчатый! Доведи меня до избушки на курьих нож-

ках!

- Ладно, - сказал он и повёл Малашечку в самую чащу, а в чаще той все съедобные травы растут: кислица да борщовник, по деревьям седая ежевика вьётся, переплетается, за кусты цепляется, крупные ягоды на солнышке дозревают.

«Вот бы поесть!» - думает Малашечка, да уж до еды ли ей! Махнула на сизые плетенницы и побежала за ежом. Он привёл её к старой избушке на курьих ножках.

Малашечка заглянула в отворённую дверь и видит - в углу на лавке Баба Яга спит, а на прилавке Ивашечка сидит, цветочками играет.

Схватила она брата на руки, да и вон из избы!

А гуси-наёмники чутки. Сторожевой гусь вытянул шею, гагакнул, взмахнул крыльями, взлетел выше дремучего леса, глянул вокруг и видит, что Малашечка с братом бежит. Закричал, загоготал серый гусь, поднял всё стадо гусиное, а сам полетел к Бабе Яге докладывать. А Баба Яга - костяная нога так спит, что с неё пар валит, от храпа оконницы дрожат. Уж

гусь ей в то ухо и в другое кричит - не слышит! Рассердился щипун, щипнул Ягу в самый нос. Вскочила Баба Яга, схватилась за нос, а серый гусь стал ей докладывать:

- Баба Яга - костяная нога! У нас дома неладно, что-то сделалось - Ивашечку Малашечка домой несёт!

Тут Баба Яга как расходилась!

- Ах вы, трутни, дармоеды, за что я вас пою, кормлю! Вынь да положь, подайте мне брата с сестрой!

Полетели гуси вдогонку. Летят да друг с дружкой перекликаются. Заслышала Малашечка гусиный крик, подбежала к молочной реке, кисельным берегам, низенько ей поклонилась и говорит:

- Матушка река! Скрой, схорони ты меня от диких гусей!

А река ей в ответ:

- Девочка-привередница, поешь наперёд моего овсяного киселя с молоком.

Устала голодная Малашечка, в охотку поела мужицкого киселя, припала к реке и всласть напилась молока. Вот река и говорит ей:

- Так-то вас, привередниц, голодом учить надо! Ну теперь садись под бережок, я закрою тебя.

Малашечка села, река прикрыла её зелё-

ным тростником; гуси налетели, покрутились над рекой, поискали брата с сестрой, да с тем и домой полетели.

Рассердилась Яга пуще прежнего и прогнала их опять за детьми. Вот гуси летят вдогонку, летят да меж собой перекликаются, а Машечка, заслыша их, прытче прежнего побежала. Вот подбежала к дикой яблоне и просит её:

- Матушка зелёная яблонька!

Схорони, укрой меня от беды неминучей, от злых гусей!

А яблоня ей в ответ:

- А поешь моего самородного кислого яблочка, так, может статься, и спрячу тебя!

Нечего делать, принялась девочка-привередница дикое яблоко есть, и показался дишчок голодной Малаше слаще наливного садового яблочка.

А кудрявая яблонька стоит да посмеивается:

- Вот так-то вас, причудниц, учить надо! Давеча не хотела и в рот взять, а теперь ешь над горсточкой!

Взяла яблонька, обняла ветвями брата с сестрой и посадила их в серёдочку, в самую густую листву.

Прилетели гуси, осмотрели яблоню - нет никого! Полетали ещё туда, сюда, да с тем к Бабе Яге и вернулись.

Как завидела она их порожнём, закричала, затопала, завопила на весь лес:

- Вот я вас, трутней! Вот я вас, дармоедов! Все пёрышки ощиплю, на ветер пуцу, самих живьём проглочу!

Испугались гуси, полетели назад за Ивашечкой и Малашечкой. Летят да жалобно

друг с дружкой, передний с задним, перекликаются:

- Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Стемнело в поле, ничего не видать, негде и спрятаться, а дикие гуси всё ближе и ближе; а у девочки-привередницы ножки, ручки устали - еле плетётся.

Вот видит она - в поле та печь стоит, что её ржаным хлебом потчевала. Она к печи:

- Матушка печь, укрой меня с братом от Бабы Яги!

- То-то, девочка, слушаться бы тебе отца-матери, в лес не ходить, брата не брать, сидеть дома да есть, что отец с матерью едят! А то «варёного не ем, печного не хочу, а жареного и на дух не надо!».

Вот Малашечка стала печку упрашивать, умаливать: вперёд-де таковой не буду!

- Ну посмотрю я. Пока поешь моего ржаного хлебца!

С радостью схватила его Малашечка и ну есть да братца кормить!

- Такого-то хлеба я отроду не видала - словно пряник-коврижка!

А печка, смеясь, говорит:

- Голодному и ржаной хлеб за пряник идёт, а сытому и коврижка не сладка! Ну полезай теперь в устье, - сказала печь, - да заслонись заслоном.

Вот Малашечка скоренько села в печь, затворилась заслоном, сидит и слушает, как гуси всё ближе подлетают, жалобно друг дружку спрашивают:

- Ту-та, ту-та? Ту-та не-ту!

Вот полетали они вокруг печки. Не найдя Малашечки, опустились на землю и стали промеж себя говорить: что им теперь делать? Домой ворочаться нельзя: хозяйка их живьём съест. Здесь остаться тоже нельзя: она велит их всех перестрелять.

- Разве вот что, братья, - сказал передовой вожак, - вернёмся домой, в тёплые земли, - туда Бабе Яге доступа нет!

Гуси согласились, снялись с земли и полетели далеко-далеко, за синие моря.

Отдохнувши, Малашечка схватила братца и побежала домой, а дома отец с матерью всё село исходили, каждого встречного и поперечного о детях спрашивали; никто ничего не знает, лишь только пастух сказывал, что ре-

бята в лесу играли.

Побрели отец с матерью в лес, да подле села на Малашечку с Ивашечкой и наткнулись.

Тут Малашечка во всём отцу с матерью повинилась, про всё рассказала и обещала впредь слушаться, не перечить, не привередничать, а есть, что другие едят.

Как сказала, так и сделала, а затем и сказке конец.

Девочка Снегурочка

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник посмотреть на чужих ребят, как они из снега комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

- А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала, да и говорит:

- Что ж будешь делать - нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Вошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики - пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну - глядь, а в горшочке лежит девочка беленькая, как снежок, и кругленькая, как комочек, и говорит им:

- Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и на-

румянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенецко, стал её нянчить и пестовать:

*Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!*

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

- Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёл-

КОВЫЙ хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробежавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила. Как узнал про это старик, так Жучку обругал и со двора согнал.

- Иди, - говорит, - куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягоды. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок пособирать да на лес посмотреть. Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидели ягоды, так все про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягоды берут да аukaются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать - никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! ау!».

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

- О чём плачешь, девица, о чём, красная?

- Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

- Слезай, - сказал медведь, - я тебя домой доведу!

- Нет, медведь, - отвечала девочка Снегурочка, - я не пойду с тобой, я боюсь тебя - ты съешь меня!

Медведь ушёл.

Бежит серый волк:

- Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

- Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки,

у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

- Слезай, - сказал волк, - я доведу тебя до дому!

- Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя - ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

- Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

- Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

- Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

- Нет, лиса, льстивы слова, я боюсь тебя - ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

Стала лиса вокруг дерева обхаживать, на девочку Снегурочку поглядывать, с дерева её сманивать, а девочка не идёт.

- Гам, гам, гам! - залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

- Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь - девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услышала лиса собачий лай, так махнула своим хвостом и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала, всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не пристуается.

Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем на крыли:

*Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!*

*Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!*

Жучку простили, молоком напоили, при-
няли в милость, на старое место приставили,
стеречь двор заставили.

Война грибов с ягодами

Красным летом всего в лесу много - и грибов всяких, и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и чёрной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прёт, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось? Бывало, и мы в чести, в почёте, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, - думает боровик, всем грибам голова, - нас, грибов, сила великая - пригнетём, задушим её, сладкую ягоду!».

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы глядючи, и стал он грибы сзывать, стал помочь скликать:

- Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказались волнушки:

- Мы все старые старушки, не повинны на войну.

- Идите вы, опёнки!

Отказались опёнки:

- У нас ноги больно тонки, не пойдём на

войну!

- Эй вы, сморчки! - крикнул гриб-боровик. -
Снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки; говорят:

- Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

- Грузди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

- Мы грузди, братья дружны, мы идём с тобой на войну, на лесную и полевую ягоду, мы её шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну быть беде», - думает зелёная травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тётка Варвара - широкие карманы. Увидав великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы сподряд брать да в кузов класть. Набрала его полным-полнёненько, насилу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки - в кадушки, опёнки - в бочонки, сморчки - в бурачки, груздки - в кузов-

ки, а наибольший гриб-боровик попал в вяз-
ку; его пронизали, высушили, да и продали.

С той поры перестал гриб с ягодой воевать.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Скучен день до вечера,
коли делать нечего.

Не учи безделью, а учи рукоделью.

Под лежащий камень и вода не течёт.

Труд человека кормит, а лень портит.

Дело мастера боится.

Без труда не вынешь
и рыбку из пруда.

Терпение и труд
всё перетрут.

Лиса и Заяц

Жил-был на поле серенький Зайчик, да жила Лисичка-сестричка.

Вот как пошли заморозки, стал Заяц лить, а как пришла зима студёная, со вьюгой да со снежными сугробами, Заяц с холоду и вовсе побелел, и надумал он себе избу строить: натаскал дубочков и давай городить хижину.

Увидала это Лиска и говорит:

- Ты, косенький, что это делаешь?

- Видишь, от холоду избу строю,
«Вишь, какой догадливый, - подумала Лиса, - давай-ка и я построю избу - только уж не лубочный домок, а палаты, хрустальный дворец!»

Вот и принялась она лёд таскать да избу класть.

Обе избы спели разом, и зажили наши звери своими домами.

Глядит Лиска в ледяное окошечко да над Зайчиком посмеивается: «Вишь, чернолапотник, какую лачугу смастерил! То ли дело моя: и чиста, и светла - ни дать ни взять хрустальный дворец».

Лисе зимою всё было хорошо, а как пришла весна по зиму да стала снег стонять, землю пригревать, тут Лискин дворец и растаял да водою под гору сбежал. Как Лиске без дому быть? Вот подкараулила она, когда Зайка вышел из своей избы погулять, подснежной травки, заячьей капустки пощипать, прокрадась в Зайкину избу и влезла на полати.

Пришёл Зайчик, торкнулся в дверь - заперта.

Подождал маленько и стал опять стучать-

ся.

- Кто там? - закричала Лиса толстым голосом.

- Это я, хозяин, серый Зайчик,пусти меня, Лисонька.

- Убирайся, не пущу, - отвечала Лиса.

Подождал Зайка, да и говорит:

- Полно, Лисонька, шутить,пусти, мне уж спать хочется.

А Лиса в ответ:

- Постой, косо́й, вот как я выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трясти, только ключья по ветру полетят!

Заплакал Зайчик и пошёл куда глаза глядят.

Повстречался ему серый Волк.

- Здорово, Зайка, о чём плачешь, о чём горюешь?

- А как же мне не тужить, не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная. Лисья изба растаяла, водой ушла, она мою захватила, да и не пускает меня, хозяина!

- А вот постой, - сказал Волк, - мы её выгоним!

- Навряд ли, Волченька, выгоним, она

крепко засела!

- Я не я, коли не выгоню Лису! - зарычал Волк.

Вот Зайчик обрадовался и пошёл с Волком гнать Лису. Пришли.

- Эй, Лиса Патрикеевна, выбирайся из чужой избы! - закричал Волк.

А Лиса ему из избы в ответ:

- Постой, вот как слезу с печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трепать, так только клочья по ветру полетят!

- Ой-ой, какая сердитая! - заворчал Волк, поджал хвост и убежал в лес, а Зайка остался плакать в поле.

Идёт Бык.

- Здорово, Зайка, о чём тужишь, о чём плачешь?

- А как же мне не тужить, как не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная. Лисья изба растаяла, она мою захватила, да вот и не пускает меня, хозяина, домой!

- А вот постой, - сказал Бык, - мы её выгоним.

- Нет, Быченька, навряд выгнать её, крепко засела, уже её Волк гнал - не выгнал, и тебе,

Быку, не выгнать!

- Я не я, коли не выгоню, - замычал Бык.

Зайчик обрадовался и пошёл с Быком выживать Лису. Пришли.

- Эй, Лиса Патрикеевна, ступай вон из чужой избы! - промычал Бык.

А Лиса ему в ответ:

- Постой, вот как слезу я с печи, да пойду тебя, Быка, трепать, так только ключья по ветру полетят!

- Ой-ой, какая сердитая! - замычал Бык, закинул голову и давай улепётывать.

Зайчик сел подле кочки и заплакал.

Вот идёт Мишка Медведь и говорит:

- Здорово, косо́й, о чём тужишь, о чём плачешь?

- А как же мне не тужить, как не горевать: была у меня изба лубяная, а у Лисы ледяная. Лисья изба растаяла, она мою захватила, да и не пускает меня, хозяина, домой!

- А вот постой, - сказал Медведь, - мы её выгоним!

- Нет, Михайло Потапыч, навряд её выгнать, крепко засела. Волк гнал - не выгнал, Бык гнал - не выгнал, и тебе не выгнать!

- Я не я, - заревел Медведь, - коли не выживу Лису!

Вот Зайчик обрадовался и пошёл, подпрыгивая, с Медведем гнать Лису. Пришли.

- Эй, Лиса Патрикеевна, - заревел Медведь, - убирайся вон из чужой избы!

А Лиса ему в ответ:

- Постой, Михайло Потапыч, вот как слезу с печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя, косолапого, трепать, так только ключья по ветру полетят!

- У-у-у, какая лютая! - заревел Медведь да и пустился впритруску бежать.

Как быть Зайцу? Стал он Лису упрашивать, а Лиса и ухом не ведёт. Вот заплакал Зайчик и пошёл куда глаза глядят и повстречал кочета, красного Петуха, с саблей на плече.

- Здорово, Зайка, каково поживаешь, о чём тужишь, о чём плачешь?

- А как же мне не тужить, как не горевать, коли из родного дома прогоняют? Была у меня избёнка лубяная, а у Лисицы ледяная. Лисья изба растаяла, она мою заняла, да и не пускает меня, хозяина, домой!

- А вот постой, - сказал Петух, - мы её выго-

ним!

- Вряд ли, Петенька, тебе выгнать, она больно крепко засела! Её Волк гнал - не выгнал, её Бык гнал - не выгнал, Медведь гнал - не выгнал, где уж тебе совладать!

- Попытаемся, - сказал Петушок и пошёл с Зайцем выгонять Лису.

Как пришли они к избушке, Петух запел:

*Идёт кочет на пятах,
Несёт саблю на плечах,
Хочет Лису зарубить,
Себе шапку сшить,
Выходи, Лиса, пожалей себя!*

Как слышала Лиса Петухову угрозу, испугалась, да и говорит:

- Подожди, Петушок, золотой гребешок, шёлковая борода!

А Петух кричит:

- Кукареку, всю изрублю!

Вот Лиса просит тоненьким, масляным голоском:

- Петенька, Петушок, пожалей старые косточки, дай шубёнку накинуть!

А Петух, стоя у дверей, знай себе кричит:

*Идёт кочет на пятах,
Несёт саблю на плечах,
Хочет Лису зарубить,
Себе шапку сшить,
Выходи, Лиса, пожалей себя!*

Нечего делать, некуда деваться Лисе. Приотворила дверь да и выскочила. А Петух поселился с Зайчиком в его избушке, и стали они жить, да быть, да добро копить.

Медведь-половинщик

Жил-был мужичок в крайней избе на селе, что стояла подле самого леса. А в лесу жил медведь и, что ни осень, заготавливал себе жильё, берлогу, и залегал в неё с осени на всю зиму; лежал да лапу сосал. Мужичок же весну, лето и осень работал, а зимой щи и кашу ел да квасом запивал. Вот и позавидовал ему медведь; пришёл к нему и говорит:

- Соседушка, давай задружимся!

- Как с вашим братом дружитья: ты, Мишенька, как раз искалечишь! - отвечал мужичок.

- Нет, - сказал медведь, - не искалечу. Слово моё крепко - ведь я не волк, не лиса: что сказал, то и сдержу! Давай-ка станем вместе работать!

- Ну ладно, давай! - сказал мужик.

Ударили по рукам.

Вот пришла весна, стал мужик соху да борону ладить, а медведь ему из лесу вязки выламывает да таскает. Справив дело, уставив соху, мужик и говорит:

- Ну, Мишенька, впрягайся, надо пашню подымать.

Медведь впрягся в соху, выехали в поле. Мужик, взявшись за рукоять, пошёл за сохой, а Мишка идёт впереди, соху на себе тащит. Прошёл борозду, прошёл другую, прошёл третью, а на четвёртой говорит:

- Не полно ли пахать?

- Куда тебе, - отвечает мужик, - ещё надо дать концов десятка с два!

Измучился Мишка на работе. Как покончил, так тут же на пашне и растянулся.

Мужик стал обедать, накормил товарища да и говорит:

- Теперь, Мишенька, соснём, а отдохнувши, надо вдругорядь перепахать.

И в другой раз перепахали.

- Ладно, - говорит мужик, - завтра приходи, станем боронить и сеять репу. Только уговор лучше денег. Давай наперёд положим, коли пашня уродит, что кому брать: всё ли поровну, всё ли пополам или кому вершки, а кому корешки?

- Мне вершки, - сказал медведь.

- Ну ладно, - повторил мужик, - твои вершки, а мои корешки.

Как сказано, так сделано: пашню на другой

день заборонили, посеяли репу и сизнова заборонили.

Пришла осень, настала пора репу собирать. Снарядились наши товарищи, пришли на поле, повиытаскали, повиыбрали репу: видимо-невидимо её.

Стал мужик Мишкину долю - ботву срезать, вороха навалил с гору, а свою репу на возу домой свёз. И медведь пошёл ботву в лес таскать, всю перетаскал к своей берлоге. Присел, попробовал, да, видно, не по вкусу пришлась!...

Пошёл к мужику, поглядел в окно; а мужичок напарил сладкой репы полон горшок, ест да причмокивает.

«Ладно, - подумал медведь, - вперёд умнее буду!»

Медведь пошёл в лес, залёг в берлогу, пососал, пососал лапу, да с голодухи заснул и проспал всю зиму.

Пришла весна, поднялся медведь, худой, тощий, голодный, и пошёл опять набиваться к соседу в работники - пшеницу сеять.

Справили соху с бороной. Впрягся медведь и пошёл таскать соху по пашне! Умаялся, упа-

рился и стал в тень.

Мужичок сам поел, медведя накормил, и легли оба соснуть. Выспавшись, мужик стал Мишку будить:

- Пора-де вдругорядь перепаживать.

Нечего делать, принялся Мишка за дело! Как кончили пашню, медведь и говорит:

- Ну, мужичок, уговор лучше денег. Давай условимся теперь: на этот раз вершки твои, а корешки мои. Ладно, что ли?

- Ладно! - сказал мужик. - Твои корешки, мои вершки!

Ударили по рукам. На другой день пашню заборонили, посеяли пшеницу, про-шли по ниве бороной и ещё раз тут же помянули, что теперь-де медведю корешки, а мужичку вершки.

Настала пора пшеницу убирать; мужик жнёт не покладаючи рук; сжал, обмолотил и на мельницу свёз. Принялся и Мишка за свой пай; надёргал соломы с корнями целые вороха и пошёл таскать в лес к своей берлоге. Всю солому переволок, сел на пенёк отдохнуть да своего труда отведать. Пожевал соломки - нехорошо! Пожевал корешков - не лучше то-

го!

Пошёл Мишка к мужику, заглянул в окно, а мужичок сидит за столом, пшеничные лепешки ест, бражкой запивает да бороду утирает.

«Видно, уж моя такая доля, - подумал медведь, - что из моей работы проку нет: возьму вершки - вершки не годятся, возьму корешки - корешки не едятся!»

Тут Мишка с горя залёг в берлогу и проспал всю зиму, да уж с той поры не ходил к мужику в работу. Коли голодать, так лучше на боку лежать.

Лиса и Медведь

Жила-была кума-Лиса; надоело Лисе на старости самой о себе промышлять, вот и пришла она к Медведю и стала проситься в жилички:

- Впусти меня, Михайло Потапыч, я лиса старая, учёная, места займу немного, не объём, не обопью, разве только после тебя поживлюсь, косточки огложу.

Медведь, не долго думав, согласился.

Перешла Лиса на житьё к Медведю и стала осматривать да обнюхивать, где что у него лежит. Мишенька жил с запасом, сам досыта наедаясь и Лисоньку хорошо кормил. Вот заметила она в сенцах на полочке кадочку с мёдом, а Лиса, что Медведь, любит сладко поест; лежит она ночью да и думает, как бы ей уйти да медку полизать; лежит, хвостиком постукивает да Медведя спрашивает:

- Мишенька, никак, кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь.

- И то, - говорит, - стучат.

- Это, знать, за мной, за старой лекаркой пришли.

- Ну что ж, - сказал Медведь, - иди.
- Ох, куманёк, что-то не хочется вставать!
- Ну, ну, ступай, - понукал Мишка, - я и две-рей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезла с печи, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и ну починать кадочку; ела, ела, всю верхушку съела, досыта наелась; закрыла кадочку ветошкой, прикрыла кружком, заложила камешком, всё прибрала, как у Медведя было, и воротилась в избу как ни в чём не бывало.

Медведь её спрашивает:

- Что, кума, далеко ль ходила?
- Близёхонько, куманёк; звали соседки, ребёнок у них захворал.
- Что же, полегчало?
- Полегчало.
- А как зовут ребёнка?
- Верхушечкой, куманёк.
- Не слышал такого имени, - сказал Медведь.

- И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт!

Медведь уснул, и Лиса уснула.

Понравился Лисе медок, вот и на другую
ночку лежит, хвостом об лавку постукивает:

- Мишенька, никак, опять кто-то к нам стучится?

Прислушался Медведь и говорит:

- И то, кума, стучат!

- Это, знать, за мной пришли!

- Ну что же, кумушка, иди, - сказал Медведь.

- Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать!

- Ну, ну, ступай, - понукал Медведь, - я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слезла с печи, поплелась к дверям, а как за дверь выпела, откуда и прыть взялась! Вскарabalкалась на полку, добралась до мёду, ела, ела, всю серёдку съела, наевшись досыта, закрыла кадочку тряпochкой, прикрыла кружком, заложила камешком, все, как надо, убрала и вернулась в избу.

А Медведь её спрашивает:

- Далеко ль, кума, ходила?

- Близёхонько, куманёк. Соседи звали, у них ребёнок захворал.

- Что ж, полегчало?

- Полегчало.

- А как зовут ребёнка?

- Серёдочкой, куманёк.

- Не слышал такого имени, - сказал Медведь.

- И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт! - отвечала Лиса.

С тем оба и заснули.

Понравился Лисе медок; вот и на третью ночь лежит, хвостиком постукивает да сама Медведя спрашивает:

- Мишенька, никак, опять к нам кто-то стучится?

Послушал Медведь и говорит:

- И то, кума, стучат.

- Это, знать, за мной пришли.

- Что же, кума, иди, коли зовут, - сказал

Медведь,

- Ох, куманёк, что-то не хочется вставать, старые косточки ломать! Сам видишь - ни одной ночки соснуть не дают!

- Ну, ну, вставай, - понукал Медведь, - я и дверей за тобой не стану запирасть.

Лиса заохала, закричала, слезла с печи и поплелась к дверям, а как за дверь вышла, откуда и прыть взялась! Вскарабкалась на полку и принялась за кадочку; ела, ела, все последки съела; наевшись досыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружком, припёрла камешком и всё, как надо быть, убрала. Вернувшись в избу, она залезла на печь и свернулась калачиком.

А Медведь стал Лису спрашивать:

- Далеко ль, кума, ходила?

- Близёхонько, куманёк. Звали соседи ребёнка полечить.

- Что ж, полегчало?

- Полегчало.

- А как зовут ребёнка?

- Последышком, куманёк, Последышком, Потапович!

- Не слышал такого имени, - сказал Медведь.

- И-и, куманёк, мало ли чудных имён на свете живёт!

Медведь заснул, и Лиса уснула.

Вдолге ли, вкоротке ли, захотелось опять Лисе мёду - ведь Лиса сладёна, - вот и прикинулась она больной: кахи да кахи, покою не даёт Медведю, всю ночь прокашляла.

- Кумушка, - говорит Мишка, - хоть бы чем ни на есть полечилась.

- Ох, куманёк, есть у меня снадобьеце, только бы медку в него подбавить, и всё как есть рукой снимет.

Встал Мишка с полатей и вышел в сени, снял кадку - ан кадка пуста!

- Куда девался мёд? - заревел Медведь. - Кума, это твоих рук дело!

Лиса так закашлялась, что и ответа не дала.

- Кума, кто съел мёд?

- Какой мёд?

- Да мой, что в кадочке был!

- Коли твой был, так, значит, ты и съел, - отвечала Лиса.

- Нет, - сказал Медведь, - я его не ел, всё про случай берёг; это, знать, ты, кума, сшалила?

- Ах ты, обидчик этакий! Зазвал меня, бедную сироту, к себе да и хочешь со свету сжить! Нет, друг, не на такую напал! Я, Лиса, мигом виноватого узнаю, разведу, кто мёд съел.

Вот Медведь обрадовался и говорит:

- Пожалуйста, кумушка, разведай!

- Ну что ж, ляжем против солнца - у кого мёд из живота вытопится, тот его и съел.

Вот легли, солнышко их пригрело. Медведь захрапел, а Лисонька - скорее домой: соскребла последний медок из кадки, вымазала им Медведя, а сама, умыв лапки, ну Мишеньку будить.

- Вставай, вора нашла! Я вора нашла! - кричит в ухо Медведю Лиса.

- Где? - заревел Мишка.

- Да вот где, - сказала Лиса и показала Мишке, что у него всё брюхо в меду.

Мишка сел, протёр глаза, провёл лапой по

животу - лапа так и льнёт, а Лиса его корит:

- Вот видишь, Михайло Потапович, солнышко-то мёд из тебя вытопило! Вперёд, куманёк, своей вины на другого не сваливай!

Сказав это, Лиска махнула хвостом, только Медведь и видел её.

Лиса-лапотница

Зимней ночью шла голодная кума по дорожке; на небе тучи нависли, по полю снежком порошит.

«Хоть бы на один зуб чего перекусить», - думает лисонька. Вот идёт она путём-дорогой; лежит лапоть. «Что же, - думает лиса, - ину пору и лапоток пригодится». Взяла лапоть в зубы и пошла далее. Приходит в деревню и у первой избы постучалась.

- Кто там? - спросил мужик, открывая оконце.

- Это я, добрый человек, лисичка-сестричка. Пусти переночевать!

- У нас и без тебя тесно! - сказал старик и хотел было задвинуть окошечко.

- Что мне, много ли надо? - просилась лиса. - Сама лягу на лавку, а хвостик под лавку, - и вся тут.

Сжалился старик, пустил лису, а она ему и говорит:

- Мужичок, мужичок, спрячь мой лапоток! Мужик взял лапоть и кинул его под печку. Вот ночью все заснули, лисичка слезла ти-

хонько с лавки, подкралась к лаптю, вытащи-
ла его и закинула далеко в печь, а сама верну-
лась как ни в чём не бывало, легла на лавоч-
ку и хвостик спустила под лавочку. -

Стало светать. Люди проснулись; старуха
затопила печь, а старик стал снаряжаться в
лес по дрова.

Проснулась и лисица, побежала за лапот-
ком - глядь, а лаптя как не бывало. Взвыла ли-
са:

- Обидел старик, поживился моим добром,
а я за свой лапоток и курочки не возьму!

Посмотрел мужик под печь: нет лаптя! Что
делать? А ведь сам клал! Пошёл, взял курицу
и отдал лисе. А лиса ещё ломаться стала, ку-
рицы не берёт и на всю деревню воет, орёт о
том, как разобидел её старик.

Хозяин с хозяйкой стали убажывать лису:
налили в чашку молока, покрошили хлеба,
сделали яичницу и стали лису просить не по-
брезгать хлебом-солью. А лисе только того и
хотелось. Вскочила на лавку, поела хлеб, вы-
лакала молочка, уплела яичницу, взяла кури-
цу, положила в мешок, простилась с хозяева-
ми и пошла своим путём-дорогой.

Идёт да песенку попеваёт:

*Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Лапоток нашла -
В люди снесла,
Добрым людям сбыла,
Курочку взяла.*

Вот подходит она вечером к другой деревне. Стук, тук» тук, - стучит лиса в избу.

- Кто там? - спросил мужик.

- Это я, лисичка-сестричка. Пусти, дядюшка, переночевать!

- У нас и без тебя тесно, ступай дальше, - сказал мужик, захлопнув окно.

- Я вас не потесню, - говорила лиса. - Сама лягу на лавку, а хвост под лавку, - и вся тут!

Пустили лису. Вот поклонилась она хозяйну и отдала ему на сбережение свою курочку, сама же смирёхонько улеглась в уголок на лавку, а хвостик подвернула под лавку.

Хозяин взял курочку и пустил её к уткам за решётку. Лисица всё это видела и, как заснули хозяева, слезла тихонько с лавки, под-

кралась к решётке, вытащила свою курочку, оцципала, съела, а пёрышки с косточками зарыла под печью; сама же, как добрая, вскочила на лавку, свернулась клубочком и уснула.

Стало светать; баба принялась за печь, а мужик пошёл скотинке корму задать.

Проснулась и лиса, начала собираться в путь; поблагодарила хозяев за тепло, за угрев и стала у мужика спрашивать свою курочку.

Мужик полез за курицей - глядь, а курочки как не бывало! Оттуда - сюда, перебрал всех уток: что за диво - курицы нет как нет!

А лиса стоит, да голосом и причитает:

- Курочка моя, чернушка моя, заклевали тебя пёстрые утки, забили тебя сизые селезни! Не возьму я за тебя любой утицы!

Сжалилась баба над лисой и говорит мужу:

- Отдадим ей уточку да покормим её на дороге!

Вот напоили, накормили лису, отдали ей уточку и проводили за ворота.

Идёт кума-лиса, облизываясь, да песенку свою попевает:

*Лисичка-сестричка
Тёмной ночьюкой*

*Шла голодная;
Она шла да шла,
Лапоток нашла -
В люди снесла,
Добрым людям сбыла:
За лапоток - курочку,
За курочку - уточку.*

Шла лиса близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли - стало смеркаться. Завидела она в стороне жильё и свернула туда; приходит: тук, тук, тук в дверь!

- Кто там? - спрашивает хозяин.

- Я, лисичка-сестричка, сбилась с дороги, вся перезябла и ноженьки отбила бежавши! Пусти меня, добрый человек, отдохнуть да обогреться!

- И рад бы пустить, кумушка, да некуда!

- И-и, куманёк, я непривередлива: сама лягу на лавку, а хвост подверну под лавку, - и вся тут!

Подумал, подумал старик да и пустил лису. А лиса и рада. Поклонилась хозяевам да и просит их сберечь до утра её уточку-плосконосочку.

Приняли уточку-плосконосочку на сбере-

жение и пустили её к гусям. А лисичка легла на лавку, хвост подвернула под лавку и захрапела.

- Видно, сердечная, умаялась, - сказала баба, влезая на печку.

Вскоре заснули и хозяева, а лиса только того и ждала: слезла тихонько с лавки, подкралась к гусям, схватила свою уточку-плосконосочку, закусила, ощипала дочиста, съела, а косточки и пёрышки зарыла под печь; сама же как ни в чём не бывало легла спать и спала до бела дня. Проснулась, потянулась, огляделась; видит - одна хозяйка в избе.

- Хозяюшка, а где хозяин? - спрашивает лиса. - Мне бы надо с ним проститься, поклониться за тепло, за угрев.

- Она, хватилась хозяина! - сказала старуха. - Да уж он теперь, чай, давно на базаре.

- Так счастливо оставаться, хозяйюшка, - сказала, кланяясь, лиса. - Моя плосконосочка уже, чай, проснулась. Давай её, бабушка, скорее, пора и нам с нею пуститься в дорогу.

Старуха бросилась за уткой - глядь-поглядь, а утки нет! Что будешь делать, где взять? А отдать надо! Позади старухи стоит

лиса, глаза куксит, голосом причитает: была у неё уточка, невиданная, неслыханная, пёстрая в прозолоть, за уточку ту она бы и гуська не взяла.

Испугалась хозяйка да и ну кланяться лисе:

- Возьми же, матушка Лиса Патрикеевна, возьми любого гуська! А уж я тебя напою, накормлю, ни маслица, ни яичек не пожалею.

Пошла лиса на мировую, напилась, наелась, выбрала что ни есть жирного гуся, положила в мешок, поклонилась хозяйке и отправилась в путь-дороженьку; идёт, да и припеваает про себя песенку:

*Лисичка-сестричка
Тёмной ноченькой
Шла голодная;
Она шла да шла,
Лапоток нашла -
Добрым людям сбыла:
За лапоток - курочку,
За курочку - уточку,
За уточку - гусёночка!*

Шла лиса и приумаялась. Тяжело ей стало гуся в мешке нести: вот она то привстанет, то

присядет, то опять побежит. Пришла ночь, и стала лиса ночлег промышлять; где в какую дверь ни постучит, везде отказ. Вот подошла она к последней избе да тихонько, несмело так стала постукивать: тук, тук, тук, тук!

- Чего надо? - отозвался хозяин.

- Обогрей, родимый, пусти ночевать!

- Негде, и без тебя тесно!

- Я никого не потесню, - отвечала лиса, - сама лягу на лавочку, а хвостик под лавочку, - и вся тут.

Сжалился хозяин, пустил лису, а она суёт ему на сбережение гуся; хозяин посадил его за решётку к индюшкам. Но сюда уже дошли с базару слухи про лису.

Вот хозяин и думает: «Уж не та ли это лиса, про которую народ бает?» - и стал за нею приглядывать. А она, как добрая, улеглась на лавочку и хвост спустила под лавочку; сама же слушает, когда заснут хозяева. Старуха храпела, а старик притворился, что спит. Вот лиска прыг к решётке, схватила своего гуся, закусил, оцципала и принялась есть. Ест, поест да и отдохнёт - вдруг гуся не одолеешь! Ела она, ела, а старик всё приглядывает и ви-

дит, что лиса, собрав косточки и пёрышки, снесла их под печку, а сама улеглась опять и заснула.

Прospала лиса ещё дольше прежнего, - уж хозяин её будить стал:

- Каково-де, лисонька, спала-почивала?

А лисонька только потягивается да глаза протирает.

- Пора тебе, лисонька, и честь знать. Пора в путь собираться, - сказал хозяин, отворяя ей двери настежь.

А лиска ему в ответ:

- Незачем избу студить, и сама пойду, да наперёд своё добро заберу. Давай-ка моего гуся!

- Какого? - спросил хозяин.

- Да того, что я тебе вечер отдала на сбережение; ведь ты у меня его принимал?

- Принимал, - отвечал хозяин.

- А принимал, так и подай, - пристала лиса.

- Гуся твоего за решёткой нет; поди хоть сама посмотри - одни индюшки сидят.

Услыхав это, хитрая лиса грянулась об пол и ну убиваться, ну причитать, что за своего-де гуська она бы и индюшки не взяла!

Мужик смекнул лисьи хитрости. «Постой, - думает он, - будешь ты помнить гуся!»

- Что делать, - говорит он. - Знать, надо идти с тобой на мировую.

И обещал ей за гуся отдать индюшку. А вместо индюшки тихонько подложил ей в мешок собаку. Лисонька не догадалась, взяла мешок, простилась с хозяином и пошла.

Шла она, шла, и захотелось ей спеть песенку про себя да про лапоток. Вот села она, положила мешок на землю и только было принялась петь, как вдруг выскочила из мешка хозяйская собака - да на неё, а она от собаки, а собака за нею, не отставая ни на шаг.

Вот забежали обе вместе в лес; лиска по пенькам да по кустам, а собака - за нею.

На лисонькино счастье, случилась нора; лиса вскочила в неё, а собака не пролезла в нору и стала над нею дожидаться, не выйдет ли лиса...

А лиса с испугу дышит не отдышится, а как поотдохнула, то стала сама с собой разговаривать, стала себя спрашивать:

- Ушки мои, ушки, что вы делали?

- А мы слушали да слушали, чтоб собака

лисоньку не скушала.

- Глазки мои, глазки, вы что делали?

- А мы глядели да глядели, чтобы собака лисоньку не съела!

- Ножки мои, ножки, вы что делали?

- А мы бежали да бежали, чтоб собака лисоньку не поймала.

- Хвостик, хвостик, ты что делал?

- А я не давал тебе ходу, за все пеньки да сучки цеплялся.

- А, так ты не давал мне бежать! Постой, вот я тебя! - сказала лиса и, высунув хвост из норы, закричала собаке: - На вот, съешь его!

Собака схватила лису за хвост и вытащила из норы.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Лиса всё хвостом прикроет.

Когда ищешь лису впереди,
то она позади.

Волка бояться — в лес не ходить.

Кто хвалится, тот с горы свалится.

СОДЕРЖАНИЕ

Привередница

Девочка Снегурочка

Война грибов с ягодами

Пословицы и поговорки

Лиса и Заяц

Медведь-половинщик

Лиса и Медведь

Лиса-лапотница

Пословицы и поговорки

Стрекоза-Пресс

- Матушка зелёная яблонька!
Не видела ли, куда
братец Ивашечка делся?
- Девочка-привередница, поешь моего
дикого яблочка, тогда скажу!
- Вот, стану я кислятину есть! —
и побежала Малашечка дальше.

ISBN 5-94563-602-9

9 785945 636026